

- [20] *Лебедев С. А.* Философия науки: Словарь основных терминов. М.: Академический Проект, 2004.
- [21] Методика ландшафтно-геофизических исследований и картографирования состояний природно-территориальных комплексов / Сост. Н. Л. Беручашвили. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1983.
- [22] *Преображенский В. С.* Беседы о современной физической географии. М.: Наука, 1972.
- [23] *Раман К. Г.* Пространственная полиструктурность геокомплексов и опыт ее выявления в условиях Латвийской ССР. Рига, 1972.
- [24] *Резников А. И.* Проектирование обустройства особо охраняемых территорий Санкт-Петербурга на ландшафтно-динамической основе // Изв. РГО. 2008. Т. 140, вып. 6. С. 15—25.
- [25] *Семенов-Тянь-Шанский В. П.* Район и страна. М.; Л.: Государственное издательство, 1928. 311 с.
- [26] *Симонов Ю. Г.* Пространственно-временной анализ в физической географии // Вестн. МГУ. 1977. № 4. С. 22—29.
- [27] *Тютюнник Ю. Г.* Пролиферация понятия «ландшафт»: почему она происходит и как относиться к ней географам? // Изв. РГО. 2013. Т. 145, вып. 5. С. 66—78.
- [28] *Шаши Шекхар, Санжсей Чаула.* Основы пространственных баз данных / Пер. с англ. М.: Кулиц-образ, 2004. 336 с.
- [29] *Швебс Г. И., Шищенко П. Г., Гродзинский М. Д., Ковеза Г. П.* Типы ландшафтных территориальных структур // Физ. геогр. и геоморфология (Киев). 1986. Вып. 3. С. 110—114.
- [30] *Forman R., Godron M.* Landscape ecology. N. W.: John Wiley & Sons, 1986.

Санкт-Петербург
 greg.isachenko@gmail.com
 Санкт-Петербургский государственный университет

Поступило в редакцию
 10 февраля 2014 г.

Изв. РГО. 2014. Т. 146, вып. 2

© А. А. АНОХИН, С. С. ЛАЧИНИНСКИЙ

ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕЙ И СОДЕРЖАНИЯ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

На рубеже XX—XXI вв. в отечественной общественно-географической науке наблюдается повышенный интерес к проблемам глобализации, что вызвано сменой общественно-политического строя и переходом от одной социально-экономической формации, ориентированной на развитие в пределах социалистической системы государств, к другой — опирающейся на широкую вовлеченность в мировое хозяйство.

На этом фоне происходит теоретико-методологическое оформление нового направления в общественной географии — геоэкономики (подробнее в 12—14, 25—26). Вместе с тем первые геоэкономические идеи в отечественной экономико-географической науке можно связать с именами В. Э. Дена, П. Н. Са-

вицкого, В. П. Семёнова-Тян-Шанского, Г. А. Мебуса, И. А. Витвера и других ученых-географов-обществоведов, работавших в первой половине XX в. Л. А. Безруков справедливо указывает, что П. Н. Савицкий «одним из первых применил геоэкономический подход к анализу геополитических процессов, а в исходную основу дуализма (сухопутных и морских стран) положил резкие различия в экономической эффективности морских и сухопутных перевозок, что обуславливает, по его мнению, транспортную „обездоленность” внутри-материковой России (в смысле возможностей активного участия ее в мировом хозяйственном обмене)» [2, с. 146]. На первом этапе (конец XIX—начало XX в.) геоэкономика в России оформилась на геополитическом субстрате. Нередко в различных публикациях оба эти направления — и геополитика, и геоэкономика — рассматриваются как взаимозаменяемые, хотя сами названия свидетельствуют об очевидных содержательных отличиях. То и другое направления широко используют такие фундаментальные категории географии, как геопространство, экономико-политико-географическое положение, территориальное разделение труда, интегральные и отраслевые районы, узловые и линейные формы, территориальная организация общественных структур, геосистема и др. Они отражают неоднородность, сложность и динамичность пространственных процессов, т. е. то, что всегда находилось в поле внимания географии, в том числе ее общественного раздела, но рассматривалось с разных позиций.

Говоря о промежуточном месте экономической географии между географией и экономикой, В. Э. Ден приводил в качестве аналогов политическую географию и геополитику. Он точно указывал, что «фактически геополитика, или, что то же, политическая география, все более превращается в самостоятельную дисциплину, лежащую между географией и политикой» [8, с. 30]. И далее его важный тезис: «...та часть политики, которую Челлен называет „экополитикой”, или хозяйственной политикой (это слово Челлен применяет совершенно не в том смысле, какой принят в экономической науке), в значительной степени покрывается содержанием экономической географии».

Развитие современных геоэкономических идей в Западной Европе и США началось также в первой трети XX в. Следует вспомнить слова В. Э. Дена относительно Германии: «Если мы в послевоенной Германии наблюдаем усиленный интерес к географии вообще и к экономической (а также и политической) географии в частности, то это объясняется стремлением этой страны сохранить и усилить свое положение на мировом рынке, имеющем для нее первостепенное значение» (там же, с. 20). Он понимал, что в недрах экономической географии заложены основы геоэкономических и геополитических исследований. В своей статье он обратил внимание на то, что экономист «А. Дикс, а еще раньше профессор Йенского университета Репке предложили создать под названием *геоэкономики* (курсив наш. — А. А., С. Л.) новую науку, которая относилась бы к экономической географии так же, как геополитика относится к политической географии» [9, с. 41].

Бурное развитие идей в геоэкономике произошло на втором этапе в 40—70-х гг. XX в. При этом следует отметить, что в ранних публикациях на эту тему постоянно присутствовала военная терминология. Одним из первым использовал термин «*геоэкономика*» (курсив наш. — А. А., С. Л.) американский географ Дж. Т. Риннер (США) в 1942 г. [22].

В 50—60-х гг. XX в. возникла полемика по поводу того, кто первым применил термин «геоэкономика». Д. Коэн полагал, что «термин геоэкономика

использовал французский экономикогеограф Ж. Будвиль (1966), который свою теорию полюсов роста рассматривал с позиций геоэкономики» (цит. по [19], с. 38). Однако, как часто бывает, тиражированная ошибка привела к тому, что заслуга введения этого термина приписывается другому исследователю, Э. Люттваку (США), который наполнил содержание термина уже политологическим и геостратегическим смыслом [20–21]. Он считал, что «старую версию государственной конкуренции теперь принято называть геоэкономикой». Э. Люттвак в своих геоэкономических исследованиях опирается на прежнюю военную и геостратегическую терминологию, которая пришла из геополитической традиции. В частности, он пишет: «...в геоэкономической конкуренции закон силы, как во время войны, делит роли. Победители получают очень выгодную и ведущую для себя роль, в то время как проигравшие ограничиваются внутренним производством, да и то если их внутренний рынок достаточно широк» [20]. При этом именно он внес заметный вклад в становление геоэкономики как самостоятельного научного направления. Б. Бабич (Сербия) отмечает, что, с одной стороны, отделяя геоэкономiku от геополитики, Э. Люттвак обращает внимание на растущую важность экономических вопросов в международных отношениях, и не только по коммерческим причинам, а с другой — он доказывает, что у геоэкономики есть собственный предмет и метод, отделяя его от геополитики [18, с. 30].

На третьем этапе развития геоэкономики в 1980-е и последующие годы исследователи в разных странах внесли свое наполнение в развитие геоэкономических идей. Так, например, Мишель Фукэр (1997), отталкиваясь от постулатов геостратегии Карла фон Клаузевица (начало XIX в.), утверждал, что геоэкономика появляется там, где обычная война невозможна. Мамаду (1999) подчеркивает, что в геоэкономике государства конкурируют за экономическую мощь и лишь в незначительной мере — за территориальную (цит. по [18]). Их представления недалеко ушли от базовых идей Э. Люттвака. Широко известна позиция итальянских геоэкономистов К. Жана и П. Савоны о том, что «геоэкономика — это экономическая геополитика, идущая на смену — по крайней мере в промышленно развитых государствах — преимущественно военной геополитике прошлого» [10]. Они подчеркивают геополитическую основу геоэкономики и определяют ее как «дисциплину, которая изучает политику и стратегии, используемые для того, чтобы увеличить конкурентоспособность государств, которые остаются ключевыми элементами международной системы в современных условиях» (цит. по [28]). В этой связи заслуживает внимания тезис: «...удержать народное хозяйство в условиях международной конкуренции необходимо, чтобы оно было не только защищено, но готово отражать удары конкурентов. Чтобы победить, нет никакой потребности в неблагодарной изоляции, наоборот, — грамотная открытость и поддержка сильных и перспективных производителей вместо слабых производителей и неконкурентоспособных» (там же, с. 38).

Например, в нашей стране этот тезис нарушается — сильный производитель вынужден выживать самостоятельно, конкурируя с транснациональными корпорациями, а слабый продолжает терять свою конкурентоспособность на фоне государственной поддержки (можно вспомнить отечественные автомобильные заводы — ОАО «Автоваз», ОАО «УАЗ»).

К. Жан и П. Савона подчеркивали, что военная сила потеряла традиционную роль, которая определяла иерархию государств и была главным инструментом геополитики. Они отмечали, что после крушения биполярной систе-

мы мироустройства именно «геоэкономика становится основным параметром международного порядка» [10]. Соглашаясь с этим положением, все же следует отметить, что геоэкономика становится важным фактором международных отношений не после крушения биполярной системы, а гораздо раньше, уже в 40—50-е гг. XX в. Так военная машина Вермахта столкнулась с колоссальным геоэкономическим потенциалом Советского Союза и не смогла его преодолеть. Этот же потенциал, созданный в годы войны и усиленный в 1950—1970-х гг., сегодня, в рыночных условиях, обеспечивает реализацию внешнеэкономической политики Российской Федерации. Известно, что экономическая мощь США значительно увеличилась в годы Первой мировой войны на фоне форсированного индустриального развития, однако расцвета она достигла в 1940—1950-х гг., когда наблюдалось ускоренное становление передовых в то время отраслей промышленности, ориентированных на обеспечение нужд армии и флота, в том числе в связи с поставками по ленд-лизу.

Большая роль в становлении геоэкономических идей принадлежит П. Лороту [29—30]. Он вслед за Э. Люттваком полагает, что отношения между развитыми государствами определяются экономической конкуренцией, которая пришла на смену военным конфликтам. Тем не менее количество военных конфликтов после 1991 г. только растет. По-прежнему они определяются как геополитическими, так и экономическими интересами наиболее могущественной державы — США, которая в 1990—2000-е гг. активно вмешивается во внутренние дела различных стран мира (Ирак — 1991, 2004 гг.; Сомали — 1993 г.; Афганистан — 2001 г.; Ливия — 2011 г.; Сирия — 2012—2013 гг.; Украина — 2013—2014 гг. и др.).

П. Лоро полагает, что «государство играет ключевую роль в проникновении на иностранные рынки и достижении технологического превосходства. Роль государства имеет ключевое значение в каждой геоэкономической стратегии» [30, с. 16]. Особенно выразительна роль государства в осуществлении энергетической политики России, которая «является одним из важных видов деятельности государства и ее бизнес-структур, ориентированных на достижение целей общеэкономического (получение прибыли и закрепление на рынке) и геоэкономического характера» [15]. В этом плане стратегия России должна быть направлена на достижение «главного приоритета внешнеэкономической политики — повышения роли России в обеспечении глобальной энергетической безопасности и укреплении ее позиций на рынке углеводородов» [27].

Французские геоэкономисты в отличие от Э. Люттвака исходят из того, что геоэкономика представляет собой сегодня планетарное явление. Фактически она представляет новую область соревнования между экономически развитыми странами. Эта позиция в большой степени близка и нам. Для обозначения новых тенденций в мировой экономике предлагаем понятие *глобализированного геоэкономического пространства* (ГГП).

Исследовательская группа глобализации и глобальных городов под руководством географа Питера Тейлора обосновала опорный каркас ГГП, представленный 67 мировыми городами различных групп — альфа, бета, гамма. Связи между этими городами формируют «сетевую ткань» глобализированного геоэкономического пространства.

Города альфа-группы разного уровня сосредоточены в США и Канаде, Европе и на Тихоокеанском побережье АТР. Центры этой группы представлены также в Бразилии (Сан-Паулу), ЮАР (Йоханнесбург), Индии (Нью-Дел

ли и Мумбай), КНР (Пекин, Шанхай, Сянган), России (Москва), а также Мексике, Чили, Турции, Аргентине, ОАЭ.

«*Геоэкономический шатер*» покрывает преимущественно североатлантическое пространство США—ЕС. Именно после Второй мировой войны экономические контакты США—Канады и Западной Европы начали приобретать все более интенсивные и диверсифицированные формы. Превращение Европы в самостоятельного геополитического и геоэкономического игрока на мировой арене стало возможно благодаря американской «Программе восстановления Европы» (план Д. Маршалла 1948 г.). Именно этот план заложил основы европейской интеграции и будущего сплочения.

В июле 2013 г. в Вашингтоне начались переговоры между США и ЕС о создании к концу 2014 г. Трансатлантической зоны свободной торговли. В этом случае оформится новая геоэкономическая реальность. По оценкам экспертов, «суммарная доля Америки и единой Европы в мировом ВВП достигает 47 %. Взаимный товарооборот превысит 600 млрд долл. в год, а с учетом услуг объем торговли достигнет 985 млрд долл.» [33].

Важно учитывать, как отмечал С. Б. Лавров, «геополитический фон», на котором происходит дальнейшее экономическое, а следовательно, и политическое сближение США и ЕС» [11, с. 242]. Отметим, что геополитический фон для США и ЕС достаточно сложный. Его формируют активная внешнеэкономическая деятельность КНР, Индии, Бразилии, России и сложные геополитические процессы на Ближнем Востоке и странах Магриба, а также крайне противоречивые взаимоотношения США со странами Латинской Америки.

Б. Бабиц определяет принципиальные различия геополитики и геоэкономики по следующим параметрам. 1. По целям геополитику интересует конкуренция для контроля территории, населения, ресурсов, а геоэкономике — продвижение товаров и услуг на новые рынки. При этом для геоэкономики важна власть не над определенной территорией, а над финансовыми и хозяйственными активами и технологическое доминирование. 2. По методам геополитика основывается на использовании силы, включая военную, а геоэкономика опирается на экономические средства, включая блокаду и эмбарго. 3. Субъекты для геоэкономики — это государства и транснациональные корпорации с мировыми стратегиями, а субъекты геополитики — государства со своими политическими целями и отдельные лидеры.

Российские геоэкономические идеи развиваются в недрах трех наук — социально-экономической географии, экономики, социологии (см. подробно в [12, 13, 25, 26]). При этом взгляды экономистов и социологов порою полностью игнорируют тот факт, что исторически и гносеологически геоэкономика возникает на геополитическом — географическом субстрате. Об этом в своей фундаментальной монографии весьма емко и аргументированно написал Ю. Н. Гладкий [6, с. 513—531]. Б. Бабиц подчеркивает: идеи российского экономиста Э. Г. Кочетова находятся в противоречии с идеями Э. Люттвака по следующим положениям (цит. по [18], с. 34); это в целом доказывает, что теоретико-методологическое оформление геоэкономики происходит в сложном диалоге при участии специалистов разных наук.

1) По Люттваку, геоэкономика выходит на арену после завершения «холодной войны», тогда как в построениях Э. Г. Кочетова геоэкономика рассматривается как результат глобализации.

2) Люттвак ограничивает влияние геоэкономики Западом, а Э. Г. Кочетов исходит из того, что геоэкономика — это новая фаза мирового развития.

3) Люттвак представляет геоэкономiku как метод исследования основных экономических конфликтов между государствами Запада, а Э. Г. Кочетов считает геоэкономiku теоретической и прикладной наукой.

Представляется, что в данном споре позиция Э. Г. Кочетова выглядит несколько предпочтительнее. Как уже указывалось выше, активное развитие геоэкономических процессов начинается в первой половине XX в. Развитие интеграционных процессов и появление мировых городов в странах Юга, а также процесс становления в них транснациональных корпораций указывают на то, что геоэкономика знаменует собой новую фазу мирового развития.

Вместе с тем мы исходим из того, что геоэкономика представляет собой научное направление в рамках социально-экономической географии, отличающееся наличием широких междисциплинарных связей в общественных науках. Об «экополитике» — предвестнике геоэкономики писал еще классик геополитики Р. Челлен. В. Э. Ден относил «челленовскую экополитику» к экономической географии. А на современном этапе развития экономико-географической науки первым среди отечественных ученых, кто использовал термин «геоэкономический», был Э. Б. Алаев. Он полагал, что этот термин «можно употреблять в отношении пространственных экономических систем» [1, с. 171]. По его мнению, экономическое поле определенной территории (или геотории) — геоэкономическое поле, которое является географической интерпретацией экономического пространства (геоэкономическим пространством) [там же, с. 258].

Возвращаясь к теме «геоэкономического шатра», следует заметить, что он явно асимметричен и мировые города первого ряда альфа-группы занимают доминирующее положение в мировой экономике. Они возглавляют иерархию городов, аккумулируя финансовые и информационные потоки, политическую власть, научно-технологический и культурный потенциал. Центры β - и γ -групп относительно равномерно располагаются по ключевым странам мира, формируя производственно-технологические и сервисные цепочки ТНК. Вокруг городов, разных по своему функциональному назначению, образуется геоэкономическое поле — зона экономического напряжения (влияния). Но мировые города — лишь наиболее значимая и влиятельная часть городских поселений мира. Многие из них обслуживают местные и региональные рынки в пределах своих стран. Потенциально некоторые из них могут активизировать свою внешнеэкономическую деятельность. Однако зачастую в гонке за призрачным членством в элитарном клубе мировых городов и транснациональных корпораций и выходом на внешние рынки, что взаимосвязано, национальный бизнес, местные правительства и города игнорируют внутренний рынок. Показательно, что «вклад потребления в валовой национальный продукт американскими семьями составляет примерно 70, а немецкими — около 60 %» (цит. по [16]).

В этой связи весьма уместны слова профессора Лондонской школы экономики Карлоты Перес относительно России: «Ключевой вопрос текущей повестки дня: что производить? Мы имеем три альтернативы: отрасли текущего технологического уклада, т. е. сектор ИКТ; отрасли будущей технологической волны (био-, нано-, «зеленые» технологии). И наконец, отрасли прежних технологических укладов — от услуг до сельского хозяйства. Какую же альтернативу предпочесть? Правильный ответ состоит в том, что вы должны выбрать все три возможности сразу. Вы должны делать все!» (цит. по [17]). И действительно, мощь американской, германской, французской и других

экономик, пожалуй за исключением китайской и японской, изначально базировалась на внутреннем рынке, который всегда был и будет основой экономической стабильности государства. На рынках глобализованного пространства резко возрастают геоэкономические риски на всех географических уровнях (подробнее в [13, 26]).

Показательно, что Россия имеет экспортную квоту — 26 %, тогда как ведущие экономики значительно ниже: США — около 9, Япония — 14, КНР — 27 %, с тенденцией к снижению [17].

Здесь мы сталкиваемся с оборотной стороной геоэкономики, которую давно поняли ведущие страны и лидеры развивающегося мира, но никак не могут понять российские руководители и либералы-фундаменталисты, — страна, в которой уровень диверсификации экономики и внешней торговли низкий, без отечественных технологий и мощной научно-производственной базы никогда не станет глобальным игроком в масштабах ГПП. Это доказали как крупнейшие страны — США, Япония, Германия, КНР, Бразилия, Индия, так и страны меньшего размера — Республика Корея, Малайзия, Финляндия, Израиль и др.

Геоэкономiku можно изучать на пяти географических уровнях — низшем, нижнем, среднем, верхнем и высшем. Последний уровень охватывает лишь ту часть планеты, которая взаимодействует в рамках мироэкономики (в понимании Ф. Броделя).

Следует учитывать, что социально-экономические явления на всех уровнях характеризуются высоким динамизмом и изменчивостью. В XX в. мы стали свидетелями того, как рушатся государства, перекраиваются границы, транснациональные корпорации превращаются в «оболочечные структуры», поднимаются и падают целые экономики, а некоторые города стремительно умирают на фоне управляемой деиндустриализации и нарастающей фрагментации городского пространства. Территории вне мировых городов зачастую превращаются в маргинализированные пространства, теряя при этом экономическую базу, конкурентоспособность и человеческий потенциал. Примером могут служить пространство между Москвой и Санкт-Петербургом, которое вымывалось несколькими волнами индустриальной революции и пережило глубокую социальную деградацию в 1990-е гг., или регион Приозерья в США, испытывающий негативные последствия деиндустриализации, вызванной политикой транснациональных корпораций, стремившихся минимизировать издержки путем вывода производств в новые индустриальные страны.¹

На каждом из географических уровней геоэкономики выделяются свои характерные субъекты, подверженные изменчивости. Так, государства, которые ведут активную внешнеэкономическую деятельность, были расположены нами на среднем уровне геоэкономики. Обратим внимание на мысль У. Бека (Германия): «Политическое пространство (т. е. пространство национальных государств) и экономическое пространство (т. е. пространство мировых экономических акторов) уже давно не совпадают» [4, с. 201].

Именно поэтому на первый план встает вопрос об устойчивости пространственных структур в новых условиях. Очевидно, что более устойчивы

¹ В этом отношении показательна судьба г. Детройта, численность населения которого сократилась с 2 млн в 1950 г. до 700 тыс. к 2011 г. (в границах центрального города). В 2013 г. в связи с непосильным бременем долгов муниципального бюджета, оцениваемых в 20 млрд долл., город начал процедуру банкротства.

ми будут географически обусловленные целостные мегарегионы с очевидными экономико-географическими границами, тесными торгово-экономическими и транспортно-логистическими связями (например, Балтийский регион, Юго-Восточная Азия или крупные интеграционные объединения). В этой связи возникают трансграничные геоэкономические системы разного уровня (геоэкономические пространства).

В исследовании [14] нами была выдвинута гипотеза о том, что на новой фазе эволюции экономического (экономико-географического) пространства под влиянием геоэкономических процессов, а также на основе всемерного развития мирохозяйственных связей складывается сетевая, многомерная система — геоэкономическое пространство. В России мы выделяем — столичное геоэкономическое пространство, а также пространства Европейского Севера, Арктического Севера, Азиатское. Фактически речь идет о дихотомии российского пространства — «Россия открытая» и «Россия внутренняя», или условно «Россия территорий» и «Россия геоэкономических пространств».

Стремление государства в последние годы активизировать экономическое развитие Дальнего Востока будет способствовать созданию геоэкономических кластеров, подобных Сахалину, ставшему энергетическим центром мирового уровня. Д. Коэн отмечает, что «Глобализированные производственные системы опираются на эффективное движение товаров через национальные границы, наблюдается сглаживание пространства, как будто границы не существовали, в то время как потребности национальной безопасности требуют закрытия и контроля. Сегодня больше чем 90 % международной торговли происходит через порты» [19, с. 33].

В настоящее время лишь немногие регионы — Москва, Санкт-Петербург, некоторые приграничные, приморские, сырьевые регионы, регионы «новой индустриализации», используя свое экономико-географическое положение, успешно встраиваются в мирохозяйственные связи. Остальные регионы опираются на внутренние ресурсы и зависят от внутреннего рынка. Но если они начнут выступать в качестве современных технологических площадок по переработке сырья, развивать импортозамещающие отрасли четвертого и пятого технологических укладов и производить собственную продукцию шестого технологического уклада, то системная модернизация коснется не только «России открытой», но и «России внутренней». Особенно это актуально в условиях надвигающегося шестого технологического уклада, который позволит снизить энергоемкость мировой экономики, по данным С. Ю. Глазьева, на 60 % к концу 2020-х гг. [7, с. 5]. Именно поэтому нельзя игнорировать противоречие двух путей развития — ориентации на «собственные силы и внутрь» и ориентации на «глобальные рынки и вовне» и противопоставлять их друг другу, выписывать одинаковые рецепты.

Уместно вновь вспомнить П. Н. Савицкого, идеи которого нашли продолжение в исследовании континентально-океанической дихотомии Л. А. Безрукова, в котором он указывал на то, что «различия в транспортных издержках на единицу продукции (грузов) являются главным первичным (непосредственным) следствием геоэкономического дуализма континентального и океанического типов государств» [3, с. 35].

На фоне глобализации возникло новое пространство и «новые рамки действия», появились дополнительные игроки, новые роли, новые ресурсы, незнакомые правила, новые противоречия и конфликты. В этой связи представляет интерес мысль Ганса Хунднани (Германия): «Природа геоэкономиче-

ской власти определена отношениями между государством и бизнесом ... тридцать немецких компаний лоббируют свои интересы в немецком правительстве, чтобы добиться политики, которая будет продвигать их интересы; они в свою очередь помогают политикам максимизировать рост и в особенности уровень занятости населения ... в некотором смысле это может быть самый чистый пример геоэкономической власти в мире сегодня ... Германия не единственное геоэкономически активное государство в мире, другие государства, такие как Китай, также используют геоэкономическую власть» [23]. Происходит формирование нового качества пространственных проявлений экономической деятельности. Геоэкономика же описывает именно формирование и функционирование экономических агентов на глобальном уровне. Словно в подтверждение слов Ганса Хунднани на саммите «Большой двадцатки» (06.09.2013 г.) канцлер Германии Ангела Меркель выразила готовность сделать Франкфурт-на-Майне Международным центром торговли юанем. В настоящий момент основной площадкой торговли юанем является биржа Гонконга, но китайские власти заинтересованы в экспансии и подыскивают аналогичные города по всему миру. Менее крупные центры торговли юанем находятся также в Тайбэе, Сингапуре и Лондоне.

Сегодня на геоэкономическом поле, которое является географической интерпретацией экономического пространства (геоэкономическим пространством), пересекаются интересы государств и дополнительных игроков — ТНК, мировых бирж, транснациональных банков и международных организаций (по У. Беку). Именно поэтому мы говорим о географической сущности геоэкономики и геоэкономической сущности пространства. В первом случае географическая составляющая представлена элементами разного уровня (от города, уникальных месторождений и объектов инфраструктуры до экономики-мир и интеграционных объединений), а во втором — новым наполнением пространства с «дополнительными игроками, новыми ролями, новыми ресурсами, незнакомыми правилами, новыми противоречиями и конфликтами». Таким образом, геоэкономическое пространство можно рассматривать как сложную сетевую трансграничную систему, а его территориальные объекты — как элементы этой системы разных уровней.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 14-06-3106.

Список литературы

- [1] Алаев Э. Б. Социально-экономическая география. Понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль, 1983.
- [2] Безруков Л. А. Геоэкономические основы геополитики (на примере концепции континентально-океанической дихотомии). Ч. 1 // Изв. Иркутского гос. ун-та. Сер. «Политология. Религиоведение». 2012. № 1 (8). С. 145—151.
- [3] Безруков Л. А. Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии / Отв. ред. Б. М. Ишмуратов. Новосибирск: Гео, 2008. 369 с.
- [4] Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия / Пер. с нем. А. Б. Григорьева, В. Д. Сидельникова; послесловие В. Г. Федотовой, Н. Н. Федотовой. М.: Прогресс-Традиция, 2007. 464 с.
- [5] География мирового развития. Сб. науч. трудов. Вып. 1 / Под ред. Л. М. Синцера. М.: ИГАН, 2009.

- [6] *Гладкий Ю. Н.* Россия в лабиринтах географической судьбы. СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. 846 с.
- [7] *Глазьев С. Ю.* Кризис, антикризисные меры и стратегия инновационного народнохозяйственного развития в зеркале теории долгосрочной мегатехнологической динамики // *Российский эконом. журн.* 2008. № 12. С. 3—9.
- [8] *Ден В. Э.* Курс экономической географии. 3-е обн. изд. М.: Госиздат, 1928.
- [9] *Ден В. Э.* Учение Рудольфа Челлена о предмете и задачах геополитики // *Изв. РГО.* 1997. Т. 129, вып. 1.
- [10] *Карло Жан, Паоло Савона.* Предисловие к русскому изданию сборника «Геоэкономика». URL: http://www.archipelag.ru/geoeconomics/osnovi/geoeconomics/preface_rus/
- [11] *Лавров С. Б.* Лев Гумилев. Судьба и идеи. М.: Сварог и К., 2000. 408 с.
- [12] *Лачининский С. С.* Современные направления направления геоэкономических исследований в России // *Изв. РГО.* 2001. Т. 143, вып. 1. С. 18—27.
- [13] *Лачининский С. С.* Опыт типологии геоэкономических рисков // *География и природные ресурсы.* 2013. № 2. С. 15—22.
- [14] *Лачининский С. С.* Эволюция экономического пространства России в XXI веке: геоэкономический подход // *Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов.* 2012. № 1. С. 258—268.
- [15] *Лачининский С. С.* Некоторые вопросы реализации энергетической политики России в Балтийском регионе: геоэкономический подход // *Балтийский регион.* 2013. № 2 (16). С. 17—29.
- [16] *Мафодда Дж.* Китай притормаживает и делает ставку на внутренний спрос / *Limes*, Италия, URL: <http://inosmi.ru/foreast/20120120/183463127.html>
- [17] Эксперт № 25 (856) от 21.06.2013. URL: <http://expert.ru/expert/2013/25/konsensus-ne-dostignut/>
- [18] *Blagoje S. Babić.* Geo-economics — reality & science // *Megatrend Rev.* 2009. Vol. 6 (1). P. 27—54.
- [19] *Cowen Deborah.* Neil Smith After Geopolitics? From the Geopolitical Social to Geo-economics // *Antipode.* 2009. Vol. 41, N 1. P. 22—48.
- [20] *Edward Luttwak.* From geo-politics to geo-economics: the logic of conflict, grammar of commerce // *The National Interest.* Summer. 1990. P. 17—23.
- [21] *Edward Luttwak.* Turbo capitalism: winners and losers in the global economy. Harper and Collins Publishers. New York, 1999.
- [22] *George T. Renner* Human Geography in the Air Age. New York: Macmillan, 1942.
- [23] *Hans Kundnani.* Germany as a geoeconomic Power // *The Washington Quarterly,* 2011. P. 31—45.
- [24] *Kaufman H.* Geo-economics injects new uncertainties into troubled markets. Council on Foreign Relations. URL: <http://www.cfr.org/publication.html?id=7039>
- [25] *Lachininskii S. S.* Current trends in geoeconomic studies in Russia // *Regional Research of Russia.* Pleiades Publishing Ltd. 2012. Vol. 2. P. 80—86.
- [26] *Lachininskii S. S.* Experience on the typology of geoeconomic risks // *Geography and Natural Resources.* April 2013. Vol. 34. P. 111—117.
- [27] *Lachininsky S.* Russia's energy policy in the Baltic region: a geoeconomic Approach // *Baltic Region.* 2013. N 2. P. 12—21.
- [28] *Paolo Savona, Carlo Jean.* Geoeconomia. Dominio dello spazio economico. Editore Franco Agneli, 2-a edizione, 1997.
- [29] *Pascal Lorot.* «Introduction — Pourquoi la geoeconomie» // *Pascal Lorot (Sous la direction de), Introduction a la Geoeconomie.* Economica. Paris, 1999.
- [30] *Pascal Lorot.* «La nouvelle grammaire des rivalites internationales» // *Pascal Lorot (Sous la direction de). Introduction a la Geoeconomie, op. cit.*

- [31] *Philippe Baumard*. Pascal Lorot, «Le champ geoeconomique: une approche epistemologique». Lorot. Introduction a la Geoeconomie, op. cit. P. 214.
- [32] *Sukru Inan*. Geoeconomic policies for regional development: Turkey as a catalyst for Eastern Europe. *Ekonomika*, 2005. URL: http://www.leidykla.eu/fileadmin/Ekonomika/2005_69/30—45.pdf
- [33] *World Economic Journal*. URL: [http:// world-economic.com/ru/articles_wej—265.html](http://world-economic.com/ru/articles_wej—265.html)

Санкт-Петербург
lachininsky@gmail.com
Санкт-Петербургский государственный университет

Поступило в редакцию
12 сентября 2013 г.

Изв. РГО. 2014. Т. 146, вып. 2

© *И. Л. КУЗИН*

О РОЛИ МИКРООРГАНИЗМОВ В ОБРАЗОВАНИИ ЗЕМНОЙ КОРЫ

Вместе с гидросферой, атмосферой и биосферой литосфера образует географическую оболочку — оболочку Земли. Она включает верхнюю мантию и земную кору, которая под океанами и на материках имеет разное строение. Океаническая кора состоит из двух слоев — базальтового и осадочного общей мощностью 5—10 км; местами она увеличивается до 15 км или уменьшается до 1—2 км. Материковая же кора имеет трехчленное строение: наряду с базальтовым и осадочным слоями большой мощности включает и гранитный слой. Она распространена не только на материках, но и под окраинными морями, включая материковый склон. Ее площадь примерно равна площади океанической коры, а мощность — в несколько раз больше: под равнинами она составляет около 35—40 км, а под горами увеличивается до 70—80 км, из которых до 25—30 км приходится на гранитный слой. Каково происхождение этого слоя и почему он развит только на материках и только на Земле? Под океанами и на других планетах его нет.

Согласно современным представлениям, Земля образована из вещества, подобного метеоритам, 92 % которых составляют каменные (хондриты), 6 — железные и 2 % железокремнистые метеориты. Вещество, аналогичное гранитам, в метеоритах не обнаружено; преобладающие среди них хондриты сложены преимущественно оливином и пироксеном. Как из этих ультраосновных пород первозданной Земли образовались кислые породы гранитного слоя? Предложено несколько гипотез метаморфического и магматического их происхождения.

Разные варианты метаморфической гипотезы (Н. Г. Судовиков, 1950 г.; Г. Д. Ажгирей, 1956 г., и др.) образование гранитов связывают с процессами метасоматоза — изменениями химического состава первичных пород земной коры при диффузии через них некоторых глубинных эманаций. Гипотеза магматического происхождения также имеет несколько вариантов. Наиболее известной является гипотеза А. П. Виноградова [6], в основу которой положен